

Стабильность, которую веками воплощала архитектура, сегодня сталкивается с вызовами тотального динамизма. Набрали большую инерцию тенденции артификации мира, в т.ч. и в немислимых ранее областях. Сегодня, по мнению автора, перед архитектурой стоит требование осуществления нового исторического выбора: восстановить себя как держательницу непреходящих ценностей обитания, или раствориться, вместе со всей цивилизацией, в ускоряющемся потоке неуправляемых изменений. Эта проблематика стала темой статьи.

Ключевые слова: стабильность и динамика в архитектуре; традиции архитектуры и проектная инноватика; монументальность; перемены в архитектуре; пандемия COVID-19 и градостроительство; прогресс и развитие.

Stability that has been embodied by architecture for centuries now faces the challenges of total dynamism. The tendencies of artification of the world, including those in the previously unthinkable fields, have gained momentum. The author believes that today, architecture is facing the demand to make a new historical choice: to restore itself as a bearer of enduring values of habitat or to dissolve together with the whole civilization in the accelerating stream of uncontrollable changes. This is the main subject of this article.

Keywords: stability and dynamics in architecture; architectural traditions and design innovation theory; monumentality; changes in architecture; COVID-19 pandemic and urban planning; progress and development.

Недвижимость и движение в архитектуре / Immobility and mobility in architecture

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

*Все прогрессы –
реакционны,
если рушится человек*

А. Вознесенский

Новатор у камина

В предисловии Жана Фурастье к книге другого известного популяризатора прогресса и хранителя преданий модернистской этики Мишеля Рагона «Города будущего», есть примечательный пассаж, в котором высказана антипатия инженерам, «которые, строя мощные гидроэлектростанции и заводы, создавая новейшие модели самолетов, в частной беседе признаются, что всей современной технике предпочитают старомодный образ жизни, а своим идеалом считают отдых у пылающего камина» [1, с. 19]. Фурастье, как и Рагон, полон возмущения таким вопиющим несоответствием преобразовательного масштаба занятой человека и его поведенческих привычек. Книга, написанная в 1966 году, призвана убедить, что в ближайшем времени таким противоречиям места уже не останется, чему залогом – пропагандируемые идеи городов и жилищ будущего. Между тем примеров подобных несоответствий было более чем достаточно и в год написания книги и раньше, и они лишь множились за минувшие более чем полвека, когда успели наступить и благополучно минуть не менее двух-трех сроков объявленного

Рагоном «будущего». И кажется, дело не в недоработках прогресса. Что-то фундаментальное человеческое стоит за такими устойчиво воспроизводящимися контрастами: прорывы «вперед» требуют откатов «назад»; возгонка чистой инноватики может оказаться разрушительной, ей требуется отдохновение, отстраненная позиция осмысления.

Случайно ли, что эпоха тотальных изменений буквально всех параметров личной и общественной жизни в «цивилизованном мире» – с середины XIX по первое десятилетие XX вв. – разворачивалась по преимуществу в весьма консервативных архитектурных пространствах: архитектура своим спокойствием как бы компенсировала безумную, невиданную ранее стремительность перемен. Исключения лишь подтверждают правило: такие небывалые пространства, как интерьер Кристал-Пэлэс Дж. Пэкстона (1851) или головокружильное кружево ферм Эйфелевой башни (1889) возбуждали воображение современников сверх всякой меры, культурное «эхо» опыта их восприятия многие десятилетия прокатывалось по всем видам искусства и литературы.

Да ведь и самые радикальные архитекторы-модернисты не отказывали себе в проектировании каминов (более-менее уютных), в т.ч. и в собственных домах. Пусть бы делались они, как и все остальное, в геометрически «стерильных» формах: в данном случае неспособность отказаться от типа (если не архетипа) намного превышает формальную смелость; последняя, в конце концов, лишь дело вкуса. Разумеется, дело не только в одних каминах: камин – символ консервативного комфорта, лишь метафора устойчивости среди бурных событий. Но... «<...> ужели и любовь не модна, как камин? / Аминь?», – спрашивал примерно в те годы Андрей Вознесенский, поэт с архитектурным образованием.

Архетипическое, традиционное преодолеть трудно, да и надо ли? Постоянные возвраты к древнему, вечному и «вневременному» в архитектуре последнего столетия говорят сами за себя, равно как и неистребимое присутствие скрытых цитат и аллюзий к наследию, о решительном преодолении которого было не раз объявлено. Густой замес проблематики вокруг феномена ар-деко и вовсе способен, судя по всему, вскоре привести к пе-

> Рис. 1. Джакомо Балла. Движение автомобиля. 1913. Движение во всех его видах стало культом XX века

решению неправомерно завышенной в глазах нынешних «рагонов» меры радикализма даже в деятельности самых оголтелых архитектурных новаторов [2–5].

И если позволить себе дополнить известную фразу Президента, можно утверждать, что именно властелину мира, обеспечившему монополию в сфере искусственного интеллекта (и других технических достижений) необходимо пространство обитания, не делающее его функцией или заложником собственных (тем более чужих) новаций, не расчеловечивающее его, но являющееся постоянным ресурсом возобновления идентичности, самости, патриотизма во всех смыслах этого слова, в т. ч. соотносительности с Местом обитания как осознаваемой ценностью. Он не только может позволить себе роскошь дистанцироваться от новаций, перемещаясь в область собственной идентичности, восстановления габитуса, повседневного бытия; он просто вынужден, обязан делать это ради воспроизводства ценностей и смысла своего существования. Страны, нации, способные достичь высокого прогресса в технологиях, в т. ч. в IT, вне этого условия, быстро потеряют смысл использования и развития собственных достижений, как это уже случилось с великими империями прошлого.

Архитектура и иллюзии движения

Нет необходимости утверждать, что базовое качество Архитектуры – стабильность. Для обеспечения протекающих в ней разнообразных, а то и противоречивых процессов сама архитектура должна сохранять устойчивость, не поддаваться на провокации со стороны текущей жизни, не вовлекаться в сиюминутные страсти, сторониться злободневности и не давать оценочных суждений и дефиниций. Впрочем, с последним сложнее: перепланировки под изменившиеся задачи издавна составляли едва ли не единственный вид движения, доступный архитектуре в норме. Тот или иной способ структурирования захваченного ею пространства столь же конститутивен для архитектуры, сколь и устойчивость, но изменения в способе со временем возможны, а то и необходимы. Если в старину такие изменения шли с неспешностью геологических процессов, то к нашему времени они все более ускоряются. Это позволило в XX в. возвести

их в принцип: функционалисты утверждали, что динамика жизнедеятельности процессов первична, а форма – ее производная. Корбюзье включил возможность организации свободного плана свои «пять отправных точек современной архитектуры»; Иона Фридман и вовсе предлагал забыть о форме и считать отныне архитектурой одни лишь только планировочные схемы.

Однако форма проявила свою укорененность в сознании и воображении. Избавиться от ее суггестии, к счастью, не удалось. Да и что можно «вытянуть» для архитектуры из процессов жизнедеятельности, меняясь они хоть трижды в сутки! Из процессов деятельности удается получить креативных импульсов не больше, а уж попытки архитектурной организации процессов мышления (в т. ч. коллективного) и вовсе обречены на бессодержательность. Как ни печально для судеб функционалистских фантазий о руке и перчатке («форма следует за функцией»), но сегодня мы знаем, что в простой прямоугольной коробке подходящих габаритов могут протекать самые разнообразные процессы, отправляясь любые «функции» (что с успехом и осуществлял в свое время Л. Мис ван дер Роэ посредством универсальных павильонов).

Но коль скоро форма сохраняет свои позиции, автономию и самооценку, то заново встает вопрос: что такое архитектурная форма и откуда она родом? Происхождение архитектурных форм таинственно и уходит вглубь тысячелетий [6]. В данной статье мы ограничимся лишь одним аспектом, имеющим прямой выход к динамизму архитектурных форм. Это – упомянутая выше способность архитектуры... давать оценочные суждения. С этим тоже все очень сложно, избавиться от него не получается, сколько ни пытались: архитектура неустранимо вещает что-то о своих авторах и пользователях, и нарративы ее далеко не всегда лицеприятны. Величественная центральная симметрия или кластер неориентированных ячеек; ось, соединяющая постройки и коллаж гетерогенных фрагментов; иерархия деталей и «демократия» амбивалентных тел etc. – это очень различные презентации того, как люди видят себя через архитектуру (или уж как Архитектура видит нас). Динамика же появляется при смене режима эксплуатации, с приходом новых хозяев или сменой идеологий (как во время

^ Рис. 2. Ф. Л. Райт. Вилла Кауфманн «Дом над водопадом». Интерьер. 1939

< Рис. 4. А. Маццони (Angiolo Mazzoni). Palazzo delle Poste. Палермо. 1934

Великой французской революции или в 1917 году). Вот тут и проявляется «люфт» между морфологической неизменностью архитектуры и лабильностью ее ситуативных повествований. Даже при полной неизменности формы (за исключением, пожалуй, перепланировок, касающихся легких перегородок) здание начинает сообщать совсем иные откровения. Общежитие во дворце или коммуналка в бывшем особняке говорят о новых обитателях нечто совсем иное, нежели о прежних. И дело не только

в принижении социального статуса (который в случае революций вообще не имеет значения). Дело в многослойности и самопроизвольном «срабатывании» коннотаций, которые в столь экстремальных ситуациях веско заявляют о своем приоритете на смысл. Не денотативная «функция проживания» оказывается главной, а богатейший и практически никем уже не управляемый шлейф коннотативных механизмов, которые до того будто бы дремали в потаенной семантике здания. Что происходило, например, со смыслами берлинского Рейхстага на протяжении его существования до наших дней?! Что являет собою до сих пор не умирающая грёза о Дворце Советов? Что делать нам сегодня с плотнейшим нарративом первых линий московского метро?! А что происходит с итальянским т. н. «трудным наследием»? Здесь вступает в права «ужас коннотаций» (Жан Бодрийяр). Не в страхе ли перед этим ужасом, не в трезвой ли оценке собственных средств коннотирования, опирающихся на скудный набор избранных простейших геометрических фигур, отступил функционализм, а с ним и конструктивизм в 1930-х? Сдача ими позиций, заявленных с таким пафосом за какой-то десяток лет перед тем, произошла стремительно, обвально. И стоит ли их и далее наивно героизировать? Достойны осмеяния до сих пор находящие для себя аудиторию виктимные представления о том, что виной всему злая воля вождя-тирана или его якобы эстетические пристрастия (идет ли речь о Сталине, Гитлере или Муссолини). Даже в динамике своих образов в истории Архитектура оказывается на порядок или даже несколько порядков сложнее наших наивных стремлений ее куда-то «двигать», как-то ее «развивать». Причины же ее стабильности и вовсе пока не поддаются осознанию.

Прогресс и монументальность

Представление о том, что архитектура должна рассматриваться исключительно во встроенности ее в научно-технический, социальный, культурный и прочие виды прогресса не соответствует истине. Логика подобных суждений очевидна: архитектура – сложная деятельность, «надстроенная» поверх строительного производства, поэтому все присущее ей мышление и все ее устремления должно описывать в терминах прогресса

> Рис. 3. Дж. Пэкстон. Кристалл-Пэлэс в Лондоне. 1851. Небывалое пространство! Людям XIX столетия нигде было до него получить подобные впечатления. Недаром его успели посетить за несколько месяцев работы Первой Всемирной промышленной выставки в Лондоне 6 млн. человек – рекордные для своего времени цифры. Кристалл-Пэлэс – идеальный пример новации (за вычетом того, что это по сути оранжерея-переросток): в технологии и скорости возведения, полезном объеме, «легкости» и «эфемерности» (которую через сто лет подхватит Р. Б. Фуллер). Этому павильону посвящено столько литературных текстов, живописных полотен, архитектурных подражаний, что одно лишь их перечисление могло бы занять объем всей нашей статьи

^ Рис. 5. Джакомо Балла. Стрижи, пути движения и динамические последовательности. 1913. Увлеченность футуризма движением доходила до мании. Хотя эксперименты с ранними разновидностями кинетического искусства уже начались, все же полотно картины осталось основным полем метафорического выражения динамики

и производственной эффективности. Это опаснейший самообман, не подтверждаемый ни историческим генезисом деятельностей, ни масштабам и качеством замыслов, но в который, увы, склонны впасть организаторы проектно-строительного процесса до наших дней. Цена за такой самообман – разбазаривание уникального, невозполнимого ресурса.

Категория прогресса в настоящее время достаточно проблематизирована в своей нерелевантности задачам социального и иного развития [7–9]), и архитектура способна внести в эту проблематизацию существенные ноты. В самом деле, сегодня нередко слышны суждения вроде таких: «Современные архитектурные решения недостаточно быстро реагируют на новейшие материалы и технологии». «Прогресс в конструкциях огромен, а архитектура почему-то (в массе своей) отстает!» «Происходят заметные сдвиги в мировоззрении и ориентации общества, почему же архитектура зачастую остается к этому равнодушна?» «По какой причине до сих пор нет целостных научных теорий архитектуры?» и т. п. Общий рефрен таких суждений навязывает представление о том, что настоящая жизнь (т. е. «прогресс») осуществляется где-то в стороне от архитектуры, по умолчанию вторичной, исполнительской «выразительнице» прогрессивных чаяний, да к тому же еще и инертной, отягощенной какими-то непонятными комплексами и тысячелетними традициями (напомним: на рубеже XIX–XX вв. архитекторов впрямую обвиняли в неспособности оторваться от собственной истории). Подобные претензии не соответствуют природе вещей и действительной логике исторических процессов.

Архитектура первична. Архитектура – древнейшая, доязыковая форма мышления (то есть она появилась до возникновения языка, а значит до всякой философии и лингвистического дискурса вообще, не говоря уже о науке, которой всего-то чуть больше трехсот лет). Строительное производство – приложение к ней (не всегда обязательное и уж точно не схватывающее даже половины социальных и культурных интенций архитектуры). Строительство лишь в эпоху т. н. «рационализма» обогнало архитектуру в плоском соревновании за первые места среди влиятельных бизнесов. Не архитектура должна

^ Рис. 7. Киёнори Кикутаке. Музей Эдо-Токио. 1993. Монументальность в типологии музея особенно трудно устранить: гони ее в дверь, она лезет в окно! (Пожалуй, отстраниться от музейной репрезентации удалось лишь Р. Пиано и Р. Роджерсу в Бобуре, но ведь и тот, коннотируя строительное развитие, практически не изменился с 1977 года – времени завершения строительства. Кто же его изменит, он же... памятник!)

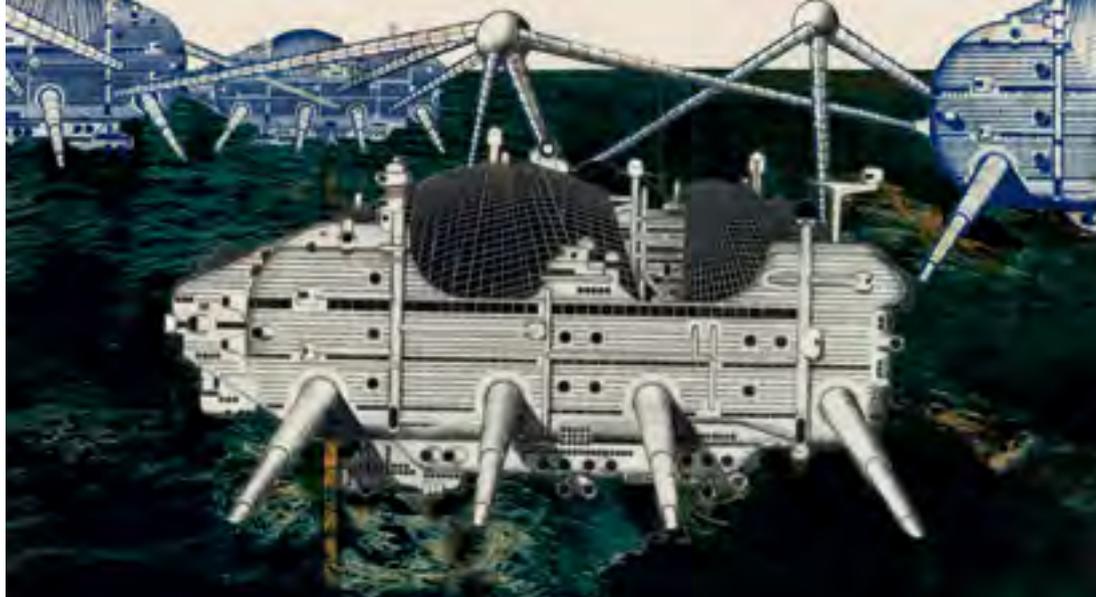
реагировать на разнообразные изменения, напротив: инициаторы и акторы изменений обязаны принимать в расчет возможные реакции архитектуры; им следует обеспокоиться риском потревожить вековые устои архитектурной традиции. Ибо цена за такие риски непомерна: сегодня становится все более понятно, что эта цена – выживаемость человека как ментально самостоятельного антропологического вида, каким мы его до сих пор знали.

Традиции основательнее всего, разумеется, выражены в монументальности. Монументальность – качество архитектурной формы, к которому имеют мало отношения

< Рис. 6. Киёнори Кикутаке. Отель Софител. Токио. 1994. Архитектурный метаболизм не стал и не мог стать столь же природно-необходимым, как метаболизм биологический, хотя и изо всех сил стремился. Искусственное не может разворачиваться по законам «природы». Плата за подобные заблуждения – гротескные памятники, вызывающие сегодня улыбку

> Рис. 8. Рон Херрон (ARCHIGRAM). Город, шагающий по океану. Из серии Walking City. 1964. Участники группы ARCHIGRAM в традиционном устройстве обитания более всего не признавали категорию места. Буквально все «герои» их эпатажных проектов безразличны к местам своего существования, а многие легко меняют их, пребывая в постоянном движении. Архитектура здесь становится дизайном, утрачивая свои фундаментальные качества

как повод постройки, так и ее заказчик, и даже устойчивость примененных конструкций и использованных материалов. Один из примеров – Palazzo delle Poste в Палермо, Сицилия (А. Маццони, 1934). Приведшая к его появлению идеология канула в Лету, но уникальная монументальность остается и не испытывает ни малейшего неудобства от отсутствия денотата. Собственно, денотатом теперь стало само Место, созданное и удерживаемое постройкой; в таких феноменах проявляется величие и автономия Архитектуры. Пример тем интереснее, что для своего времени он позиционировался скорее как новация, нежели традиционализм. Известны проблемы с материалами и конструкциями построек советского конструктивизма, совершенно неожиданно для своих авторов получивших в наше время статус нетленных памятников: ведь они-то были адептами лозунга «руки и перчатки» Л. Г. Салливена. Более того, будучи «конструкторами для жизни» (А. Родченко), они не сомневались, что воплощенные функции отомрут лет через десять после строительства, и здание можно спокойно снести, а потому строили из всякого хлама. Вопреки всем левым лозунгам, архитектурная монументальность воспроизвелась (очевидно – «сама») и здесь, она «наползла» своей вневременной мощью и на эти скупые строения аккурат к их столетнему юбилею, надолго обеспечив головную боль реставраторам. Поэтому монументальность нет резона рассматривать как особенное достоинство архитектуры, как ее достижение. Скорее это своеобразное проклятие, держащее свободу архитектурного выражения в известных пределах, не пускающее архитектуру «в пляс», на откуп внешним или внутренним (внутри зданий происходящим) процессам. Будучи хтонической силой, она непобедима, она всегда берет свою дань – так случилось и с японским метаболизмом, на раздва выродившимся в наивную метафору «открытости и изменчивости».

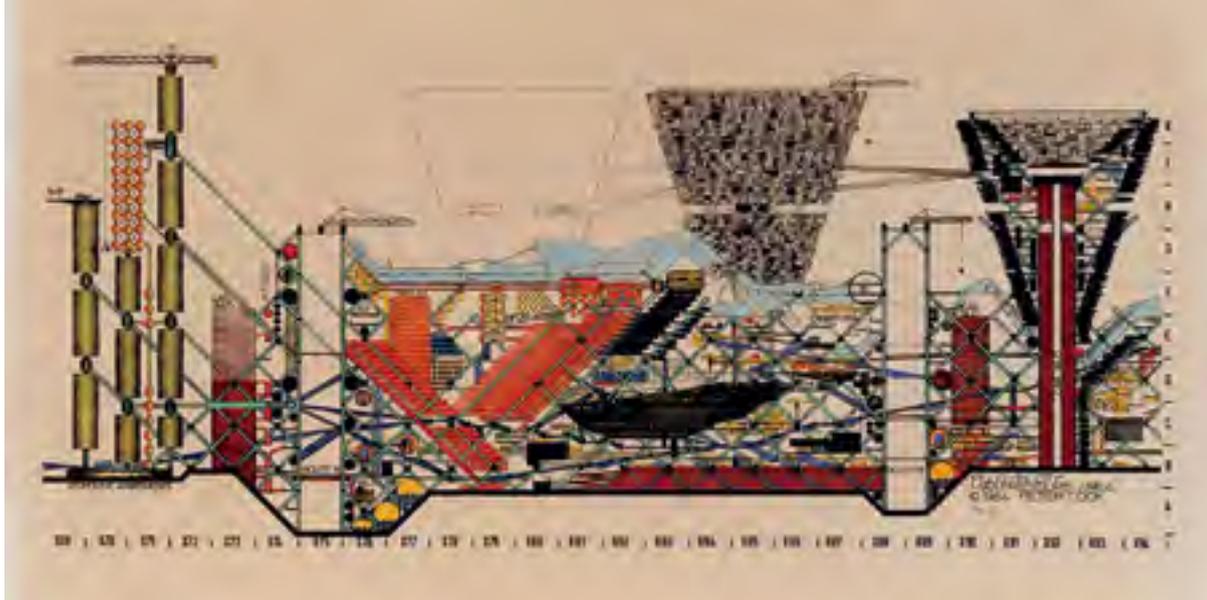
Борьба с недвижимостью

Достаточно длительная и упорная борьба архитекторов против врожденной им монументальности к нашему времени успехами не увенчалась. Ну, разве что она привела к появлению и коммерческому торжеству дизайна, изна-

тельно антимонументального, но и... антиархитектурного вида проектной активности. Par excellence борьба эта была войной пчел против меда.

Однако само по себе настойчивое желание заметной части архитектурного «цеха» во что бы то ни стало стронуть с насиженного места свои «объекты», придать им импульс, ускорение заслуживает внимания. Разумеется, немалая часть этих желаний происходит из контркультурных идей и настроений 1960-х (а они, в свою очередь, хоть и не напрямую, но наследуют негации авангарда начала XX века). Там всему были готовы «дать пинка», особенно всему консервативному и инертному. А архитекторы, как и иные представители зарождающейся проектной культуры («культуры» в «бактериологическом» смысле, поскольку зарождалась она в особых «пробирках», о которых надо говорить специально), ощущая себя передовым отрядом прогресса, готовы были возглавить любые преобразовательные движения. Свою роль сыграли научные и методологические идеи того времени (системотехника, кибернетика, теория деятельности и др.). В них звучали тревожащие воображение призывы, вроде таких: «необходимо представить объект в виде процесса», «рассматривать все как поток информации», «живое надо изучать в становлении, ставшее – уже умерло» и пр. Разумеется, у архитекторов, как и у художников, все начиналось с туманных образов, а заканчивалось вполне конкретными... имитациями. Но если имитация движения в живописи дала по крайней мере своеобразие картин футуристов, то в архитектуре она хорошо выглядит лишь в концепциях, а в реализациях всякий раз оказывается как-то не ко двору, вступая в конфликт с соображениями технологии строительства, эксплуатации, имущественного права и просто раздражая взгляд обывателей. Идея изменяющегося здания, незавершенного и не обретшего форму, так и не укоренилась ни в общественном, ни в профессиональном сознании.

Другая генетическая линия – внутриархитектурный кризис, провоцирующий поиск на маргиналиях объективированного и освоенного профессией мира, а то и за ними. Так возникли концепты Антиархитектуры, Проектирования и Среды [10], каждый из которых был направлен на радикальное обновление профессии. Ведь

< Рис. 9. Питер Кук (ARCHIGRAM). The Plug-In City. 1964. Образ перманентнойстройки привлекал критично мыслящих архитекторов 1960-х – эпохи, разочарованной во всей известных формах, но не нашедшей свою

проблемы с заведомо узкой и ущербной профессиональной формой организации деятельности у великой изначальной практики по имени Архитектура начались уже с первых европейских академий эпохи Просвещения, накапливались десятилетиями и «рванули» в горячие и бурные 1960-е. Выражаясь грубо, критически настроенная концептуальная мысль третьей четверти XX столетия только и занималась тем, что изобретала новые и новые «рвотные средства» для профессии, пытаясь таким путем привести ее в чувство. Но кажется, результат оказался обратным.

Архитектура XX века уделила немало внимания темам мобильности, трансформации, эфемерности, метаболизма, номадизма... В XX веке преобладали стремления к переменам; стабильность же, а с ней и архитектурные ценности укорененности и монументальности оказались в списке нежелательных качеств. Ситуация меняется последние десятилетия: возгонка инноваций утратила безоговорочную привлекательность, многие уроки извлечены, ценности возвращают утраченные позиции. Но и вкус к изменениям не угас. Тенденции артификации мира не затухают, напротив, набирают скорость, затрагивая все новые стороны жизни и области деятельности. Более того, изменения, кажется, уже стали привычным, почти повседневным, т. н. квазиестественным процессом. Перед архитектурой как держательницей цивилизационных ценностей стоит уже вопрос не стилистического выбора и не искушение креативной интеллектуальной эквилибристикой, как было в 1960–1970 гг., но требование экзистенциального шага: или восстановить себя как полную сферу жизни, ответственную за сохранение и воспроизводство ценностных горизонтов обитания человечества, или раствориться в наступающей энтропии, оказаться поглощенной и редуцированной, окончательно утратить инициативу, волю и смысл.

От прогресса к развитию

На время несколько отходя от ареала традиций архитектуры и их самовоспроизведения в истории, затронем актуальную тему, активно обсуждаемую сегодня в градостроительных кругах и около них. Это тема воздействия пандемии на градостроительство. Вопреки популярному

убеждению, что пандемия COVID-19 кардинально изменит не только принципы планировки городов, организации «среды», но и саму архитектуру (и остается лишь обсуждать как именно изменит), мы возьмем на себя okayнство утверждать обратное: не изменится ничего. Не изменится уже потому, что известные сегодня города, среды и здания есть результат столь давних процессов формирования, в которых имели место настолько чудовищные пандемии, войны и катастрофы, что на их фоне модное заболевание выглядит бледно. Вирус как бы один на всех, но ведь города мира все еще чрезвычайно, безумно различны: Шанхай и Бат, Нью-Йорк и Петербург, Стамбул и Равенна... Логика прогрессизма требует очередной волны унификации мест обитания? Причем самый тип требований к организации или структурированию пространства обитания, предполагаемый пандемией, не является сколь-либо уникальным: уже средневековые мероприятия в чумных городах Европы, которые изучал М. Фуко, обозначили основные из этих принципов [11]. Однако изменения в организации городов в Ренессансе появились не столько благодаря чуме, сколько изобретению ствольной артиллерии, а еще более – моде на соответствующую эстетику урбанистических ведут. Последнее влияние социально-политических императивов на городскую планировку – пост-утопические фантазии барона Османа, решившего, что широкие бульвары помешают революции (как красиво показал В. Беньямин, – да и сама история, – это заблуждение). Но и в случае Османа ведущим импульсом были не «объективные процессы», а специфическое представление о них, идея. Точно в такой же мере «кабинетными идеями» были строчная застройка, типовое строительство и нормативный расчет обслуживания. Но это уже идефиксы естественнонаучного и инженерно-административного сознания (аффекты которого надо рассматривать отдельно). Кстати, уж если в последних недостаточно предусмотрена защита населения от всех видов массового поражения, то где и как она может быть предусмотрена вообще?

Перед нами очередной приступ энтузиазма со стороны групп, привыкших считать себя носителями актуального и объективного знания, которому должны безоговорочно подчиняться все остальные. Им кажется, что логически

< Рис. 10. Луиджи Баччо дель Бьянко. Чума во Флоренции, 1630. Карантинные меры против чумы давали определенные результаты. Так, во Флоренции сформировалось братство Милосердия (Misericordia) – прототип волонтерского движения. Результаты чумы в Европе в гораздо большей степени относились к социальному порядку и социально-экономической динамике, нежели к морфологии города и к архитектуре

безупречные и достоверные положения (о, где бы такие получить в обсуждаемом случае!) почти автоматически приведут к изменению практики – практики, выдавшей в своем генезисе и не таких энтузиастов. Что уж говорить о путях нового нормотворчества в ситуации не то что неполного знания, но постправды и тотальных фейк-ньюс! О финансовой и организационной сторонах оперативного градостроительного реагирования на пандемию и вовсе говорить не стоит.

Упомянутый энтузиазм, разумеется, имеет все то же происхождение: он родом из новоевропейского рационализма, неопозитивизма и исторического прогрессизма (базовое представление которого – однообразие исторического пути всех стран и народов, что позволяет расставить их всех по одной шкале «прогресса» – известно, в чью пользу). В отличие от плоского (линейного) прогресса (разумеется, в значении слов, закрепившихся в общественно-политической, исторической, культурологической мысли XX в.), развитие представляет собой многовекторную и многослойную реальность самоопределения и саморазвертывания уникальных идентичностей; количество «измерений» развития больше, чем у прогресса. Мерность развития и вовсе несводима к единым шкалам и эталонам: она устанавливается всякий раз здесь и теперь. Прогресс, хоть он и есть синтетический поток в «многожильном силовом кабеле» различных факторов, все же может быть легко описан в категории процесса (в некоторых языках это вообще синонимы). А развитие, хотя оно и приписано к категории процесса (в частности – одного из девяти процессов сферы деятельности), все же скорее феномен. Единственным релевантным синонимом развитию является развертывание (но не рост, не расширение, не количественное увеличение того же самого etc.). Развертывание того, что уже заложено в виде зерна или ядра, что не отмирает в возгонке инноватики, как в прогрессе отмирает то, что использовано и отброшено. Прогресс несложно квантифицировать, разложить на количественные параметры и дать оценку их динамике во времени (эта измерительная процедура, как правило, и замещает собою всякую мысль по поводу изменений и перемен). А развитие сложно измерить, часто даже сложно понять, что именно

нужно или можно оценивать в качестве эффекта развития. Прогресс – «дело техники», этим он прост и удобен; а развитие не очень понятно: как обеспечить и даже как его ухватить в воображении. Этим оно сложно и «неудобно» для рационального инженерного подхода.

Однако для подхода архитектурного развитие не является чуждой темой. Архитектурное сознание, вобрав в себя и здоровый консерватизм традиции, и проектную инноватику, не ставит (в норме) свои задачи и цели на службу одномерному прогрессизму: увлечения этим искушением минули или почти минули. Сегодня стало ясно, что полноценное проектное действие в принципе осуществимо только в рамках осознанных ценностей, но отнюдь не в параметрах сформулированных заранее целей, иначе оно соскальзывает «на рельсы конструирования» [12]. Архитектура, не поглощенная строительным производством, вполне органично обеспечивала развитие цивилизации, культуры и общества в веках – где-то меняясь сама, но по большей части в силу именно своей уверенной неизменности (не тупой, но гибкой и чуткой ко временам своего осуществления). Пожалуй, это лучшая формула движения, которую можно смело рекомендовать и для дальнейших задач развертывания человеческого Мира.

К «Новой стабильности»

Философ-феноменолог Отто Фридрих Больнов объявил важнейшей задачей философии нашего времени конституирование «Новой укрытости», исправляющей ошибки и перегибы мысли XX века, в т. ч. жесткого экзистенциализма, если не ответственного за эксцессы века, то по меньшей мере не смогшего купировать их последствия. Человек, говорит Больнов, должен обрести «новое доверие к бытию» [13]. Архитектуре нашего времени жизненно необходима «Новая стабильность», новая концепция постоянства, неизменности, константности, снимающая в себе живые формы движения, развития, открытости к переменам и доверия техникам имени дел с новым (ведь модернистские технологии себя окончательно дискредитировали). Разумеется, это масштабная задача, лет на сто вперед: ведь за такими формулировками стоит требование совершенно иной парадигмы про-

< Рис. 11. Один из нескольких десятков современных новых «пустых городов» в Китае. Их строительство продолжается усиленными темпами несмотря на то, что (пока?) их нечем заселять. Пример доминирования устойчивой формы над социальными процессами, виртуальная динамика которых пугает своей грандиозностью

ектирования, чем то, что было порождено модернистской эрой, совсем иные отношения Архитектуры и Проектирования (в т. ч. в аспектах темпоральности, интеллектуального и средствиального суверенитета, этики преобразований, транспарентности идей и пр.).

И тема перемен обретает подлинный смысл не в сухой фиксации изобретений и не в статистике прогибаний «под изменчивый мир», но в остром осознании новых условий сохранения ценностей, в творческом принятии сиюминутных рамок воспроизводства вечного.

Архитектура способна и призвана перевести вектор прогресса на путь развития. Для самой архитектуры прогресс был лишь временным мороком, данью модернистской эпохе, в которой архитектура сумела-таки занять ведущие позиции, смогла показать свои пределы и закраины. Но возвращение из экстремального опыта неизбежно. Это возвращение чаемо всем сообществом, ожидаемо: вот-вот, на пороге... Но архитектура (если можно говорить о ней как о целом) все еще топчется, все не решится порвать с соблазнами недавнего прошлого, не соберет никак силы вернуться к себе.

Литература

1. Рагон, М. Города будущего. – Москва : Мир, 1969. – 296 с.
2. Капустин, П. Ар-деко. Поэтика отравы // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 138–147
3. Капустин, П. Ар-деко: терпкие плоды забытого сада // Проект Байкал. – 2020. – № 63. – С. 142–148
4. Багина, Е. Ар-деко: западный гедонизм и советская романтика // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 120–125
5. Завадовский, П. Иван Леонидов и стиль «Наркомтяжпром» // Проект Байкал. – 2019. – № 62. – С. 112–119
6. Капустин, П. Пилястра. От детали к великим тайнам // Проект Байкал. – 2020. – № 66. – С. 98–104
7. Фейерабенд, П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. – Москва : АСТ, 2007. – 413 с.
8. Слотердаijk, П. Критика цинического разума. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 584 с.
9. Капустин, П. Конверсия проектирования // Проект Байкал. – 2018. – № 55. С. 142–147
10. Капустин, П. В. «Антиархитектура» – Проектирование – Среда: «Отсутствующее» и его отражения // Вопросы теории архитектуры. Архитектура: современный опыт профессиональной саморефлексии : сб. науч. тр. и докладов на Девятых и Десятых Иконниковских чтениях / сост., отв. ред. И. А. Добрицына. – Москва : ЛЕНАНД, 2017. – С. 52–57
11. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 383 с.
12. Генисаретский, О. И. Творческая деятельность как проблема дизайна // Вопросы методологии. – 1992. – № 3–4. – С. 10–28. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/journals/vm/1992/3-4/v923gen0.html> (дата обращения: 19.01.2022)
13. Больнов, О. Ф. Новая укрытость. Проблема преодоления экзистенциализма. Введение. – URL: <http://anthropology.ru/ru/person/bolnov> (дата обращения: 19.01.2022)

References

- Bagina, E. (2019). Art Deco: The western hedonism and the Soviet romance. *Project Baikal*, 16(62), 120-125. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1559>
- Bollnow, O. F. (n.d.). *Novaya ukrytost. Problema preodoleniya ekzistentsializma. Vvedenie* [The new sense of security. The problem of overcoming existentialism. Introduction]. *Anthropology*. Retrieved January 19, 2022, from <http://anthropology.ru/ru/person/bolnov>
- Feyerabend, P. (2007). *Protiv metoda. Ocherk anarkhistskoi teorii poznaniya* [Against Method. Outline of an anarchistic theory of knowledge]. Moscow: AST.
- Foucault, M. (2016). *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy* [Discipline and punish. The birth of prison]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Genisaresky, O. I. (1992). *Tvorcheskaya deyatel'nost kak problematika dizaina* [Creative activity as a design problem]. *Voprosy metodologii*, 3-4, 10-28. Retrieved January 19, 2022, from <https://www.fondgp.ru/old/lib/journals/vm/1992/3-4/v923gen0.html>
- Kapustin, P. V. (2017). "Antiarkhitektura" – Proektirovanie – Sreda: "Otsutstvuyushchee" i ego otrazheniya ["Anti-Architecture" – Design – Environment: the "absent" and its reflections]. *Questions of the Theory of Architecture. Architecture: Modern Experience of Professional Self-Reflection: Collection of scientific papers and reports at the Ninth and Tenth Ikonnikov Readings (I. A. Dobritsyna, Ed.)* (pp. 52-57). Moscow: LENAND.
- Kapustin, P. (2018). Conversion of design. *Project Baikal*, 15(55), 142-147. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.55.1306>
- Kapustin, P. (2019). Art Deco. Poetics of poison. *Project Baikal*, 16(62), 138-147. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1561>
- Kapustin, P. (2020a). Art Deco: Harsh fruits of a deserted garden. *Project Baikal*, 17(63), 142-148. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.63.1610>
- Kapustin, P. (2020b). Pilaster: From a small detail to great mysteries. *Project Baikal*, 17(66), 98-104. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1725>
- Ragon, M. (1969). *Goroda budushchego* [Cities of the future]. Moscow: World.
- Sloterdijk, P. (2001). *Kritika tsinicheskogo razuma* [Critique of cynical reason]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Zavadovsky, P. (2019). Ivan Leonidov and the "Narkomtyazhrom" style. *Project Baikal*, 16(62), 112-119. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.62.1544>